

СТРАНИЧКИ ЖИЗНИ

МЫ СИДИМ в старом бревенчатом доме на Грузинской улице. Перед нами удобно расположился в глубоком кресле хозяин, Анатолий Никитич Любанский. Его знает весь Горький, которому он отдал тридцать самых плодотворных лет. Тридцать из пятидесяти — творчества и семидесятипяти — жизни. Эта жизнь — предмет нашей беседы.

1. ТОТ, В КОГО КИДАЛИ

ПОПУЛЯРНОСТЬ Вертинского у киевлян была огромной. Его томные песенки, скорбно поднятые вверх уголки бровей и скорбно опущенные вниз уголки губ действовали неотразимо на сердца барышень, сходящих с ума от белого Пьерро.

И вдруг симпатии публики разделились. Одни по вечерам по-прежнему брали с боем кассу театра миниатюр, где выступал Вертинский, а другие неожиданно устремились в скромное здание напротив. Там, на афише, у входа красовалась изящная фигура лилового Пьерро.

Сначала при выборе, куда идти, цвета, избранные артистами, тасовались, как карты: белый, лиловый, белый, лиловый. Не все ли равно? Но потом положение переменялось: белому Пьерро по-прежнему рукоплескали, а в голубого зачастую летели сопровождаемые свистом, различные предметы. А это уже интересно!

Фамилию артиста знали мало. Чаще просто спрашивали в кассе:

— Это у вас выступает тот, в кого кидали?

И только студенты знаменитого Киевского университета безошибочно определяли:

— Толя Любанский. В этом году у нас юридический факультет закончил.

Но и среди них мало кто знал, что «лиловый Пьерро» в этом же, 1917-м, году закончил еще и театральные курсы.

Вскоре у лилового Пьерро оказалось поклонников не меньше, чем у белого. Но Любанскому такая популярность претила. Ему, как воздух, нужны были острота, актуальность того, что он делает на эстраде, тесное общение с публикой.

И лиловый Пьерро приказал долго жить.

2. «ИТАК, СХОДИТЕСЬ!»

— **В**ТОРНИК. У Любанского — премьера. Достаньте биле-

тик, очень вас прошу. Пожалуйста.

Эти слова часто произносили харьковские театралы: по вторникам в театре миниатюр разыгрывались удивительно острые, беспощадные бои.

— Вторник близится. Пора готовиться. Дадим на этот раз перцу Любанскому!

Эти слова звучали в более узком кругу — их говорили будущие известные писатели Арго, Никулин, Галицкий. Зная любовь харьковского конференсье к разговорам с публикой, его умение полемизировать на любую тему с неизменной находчивостью и остроумием, уважая его смелость, они стали неизменными посетителями премьер. Достаточно было Любанскому бросить в зал несколько ядовитых реплик, как откуда неслись ответные, не менее глубокие и сатиричные.

Иной раз дуэль затягивалась и раскалялась настолько, что зрители почти не слушали участников концерта, с нетерпением ожидая очередной дуэли.

3. ЛАМПА И ХАРЯ

КТО ИХ ВЫДУМАЛ, этих двух мещан, которые, цenia все события со своих, мещанских, позиций, как бы саморазоблачались под дружный смех горьковчан, пришедших в 1930 году на открытие мюзик-холла? Исполнители — актеры Гомец, Юлия Даминская и Анатолий Любанский? Или автор текста Михаил Полонский? Теперь уже, за давностью лет, и определить трудно. Скорее всего, в конечном итоге все вместе.

Ее звали Олимпиада. Его — Харитон. Но обращались они друг к другу только с уменьшительными, ласковыми — Лампа, Харя. И зрители, расходясь больше всего говорили о них. Правда, и в программе они занимали наибольшее место. Ведь в этих образах-масках Даминская и Любанский вели парный, театрализованный конференс, который в ту пору только еще начинал свой путь.

Дружба одних пришла к артистам бок о бок с ненавистью других. Их сатирические стрелы не доставляли особенного удовольствия тем, в кого они попадали. А таких было еще немало. Они пытались иной раз цыкать и свистеть, но дружные аплодисменты большинства заглушали их. Недаром, приехав в Горький, всего на две программы, артисты уже в следующем сезоне работали всю зиму, а через год Анатолий Никитич Любанский стал художественным руководителем мюзик-холла, навсегда оставшись в полюбленном ему волжском городе.

4. СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

ШУТИТЬ, и век шутить, как вас на это станет? — в применении к Анатолию Никитичу реплика грибоедовской Софьи звучит тепло и мягко. Недаром так часто слышал он ее из уст друзей. Три четверти века идет Любанский с шуткой по жизни. Еще немного — и знаменитая фраза получит буквальный смысл.

— Когда люди смеются, знаешь: у них хорошее настроение, а когда у людей хорошее настроение, у них и работа спорится. Это счастье: нести людям шутку, — говорит Анатолий Никитич.

И его счастье всегда с ним. Но он хочет большего: пусть смех звучит постоянно. В предвоенные годы он создал в Горьком театр миниатюр. В период войны руководил эстрадным театром. После войны перестроил его на мирный лад. И, наконец, создал принципиально новый для нашего города коллектив — театр комедии.

Более двадцати лет ежедневно горьковчане приходят в зрительный зал. Раскрывается занавес, и взлетает над креслами дружный смех. Давно уже не руководит театром А. Н. Любанский, давно уже сошли со сцены талантливо воспроизведенные им образы, а театр живет, воспитывая своим творчеством все новые поколения людей. Это счастье — оставить след на земле.

5. ЮБИЛЯРУ НЕКОГДА

МЫ ПОЗВОНИЛИ Любанскому утром.

— Дорогой юбиляр, назначайте пресс-конференцию. Хотим вас видеть.

— Надо было вчера предупредить, — раздался знакомый голос.

— Пеняйте на себя: мне некогда. До половины первого занят.

А на его письменном столе мы заметили календарик, в который занесено множество неотложных дел. И не мудрено: вот уже пятнадцать лет Анатолий Никитич — бессменный общественный директор Дома артиста, кроме того, он член правления ВТО, член художественного совета отдела культуры облсопрофа, неизменный член всевозможных жюри и комиссий. И к тому же он много пишет. Это из-под его пера выходят сценарии многих концертов и праздников в клубах и парках, на стадионах и площадях нашего города и других городов Федерации.

Семь дней назад вы, читатель, приняли участие в волнующем и праздничном митинге-концерте, посвященном Дню победы, организованном руководством Советского района на площади Минина и Пожарского. Знайте, один из авторов сценария — Анатолий Никитич Любанский.

А. ЧЕБОТАРЕВ.
Рис. Ж. ЗДОРОВОЙ.